

Патрульная академия ведьм.

18+

Нора Арт

Патрульная академия ведьм.

«Автор»

2026

Арт Н.

Патрульная академия ведьм. / Н. Арт — «Автор», 2026

«Патрульная академия ведьм — место, где из таких, как Яна, делают защитниц мира между светом и тьмой. Здесь живут, учатся держать удар, доверять напарникам и не терять голову, когда всё идёт не по плану. А ещё здесь водятся говорящие коты, которые знают чуть больше, чем говорят. Вместе с Мурлыкой — советчиком и главным ценителем колбасы — Яне предстоит пройти через экзамены, стычки с тёмными силами и мелкие, но очень обидные войны с соседками по академии. Тьма бывает настырной, но у Яны есть упрямство, чувство юмора и кот, который всегда подскажет, куда бежать или где лучше постоять и подождать. «Патрульная академия ведьм» — это история о том, как обычная девушка находит своё место в мире, где магия прячется за повседневностью, а настоящая сила — в умении не сдаваться и вовремя делиться колбасой.»

© Арт Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Дежавю.	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Нора Арт

Патрульная академия ведьм.

Дежавю.

Данная книга содержит контент 18+ и носит исключительно развлекательный характер. История полностью выдуманная, любые совпадения с реальными людьми чисто случайные.

Будильник взвыл так, будто в нём заперли разъярённого домового. Яна подскочила, врезалась локтем в спинку кровати, схватилась за ушибленное место и рявкнула в пустоту комнаты:

— Твою кочерыжку! Я опаздываю на экзамен! Эту фразу Яна, услышала где-то и она преципилась к ней.

Лето выдалось таким жарким, что спать приходилось вообще без ничего — даже простыня казалась лишней. Сейчас это сыграло против неё: пока она металась по комнате, пытаясь нащупать хоть что-то из одежды, в голове пульсировала только одна мысль: «Только бы упеть».

Футболка, с логотипом любимой рок группы, нашлась на спинке стула, шорты — почему-то на люстре (Яна не стала вспоминать, как они туда попали), носки обнаружились по одному: один под кроватью, второй подозрительно близко к двери, будто собирался сбежать.

— Ну давай, давай! — бормотала она, натягивая футболку задом наперёд, потом с рыком переворачивала её и снова дёргала на себя. — Сегодня нельзя быть несобранной. Сегодня вообще нельзя быть собой!

Родители давно уехали на работу: мама — в поликлинику, папа — на стройку. В их мире магия не существовала, и Яна давно научилась не упоминать о ней за завтраком. «Опять летала во сне?» — спрашивала мама, улыбаясь. «Ага, — кивала Яна. — Прямо над нашим двором». И никто не знал, что иногда эти сны были не совсем снами.

Она схватила рюкзак, который собирала ещё вчера (и в котором, как подозревала, теперь жили только скомканные бумажки и одинокий мандарин), и метнулась к кухне. На столе лежала записка от мамы: «Яна, не забудь бутерброд. И будь умницей. Мы тобой гордимся». Яна на секунду замерла, сжала записку в кулаке, потом сунула её в карман — как талисман.

Холодильник открыл свои ледяные объятия, и Яна выхватила бутерброд, даже не глядя, с чем он — главное, что есть. Откусила на ходу, схватила ключи, пнула дверь, чтобы закрылась, и выскочила на лестничную клетку.

И тут магия, которая обычно вела себя тихо и скромно, решила напомнить о себе.

На площадке перед домом стоял её старый велосипед — тот самый, который Яна упорно называла «надёжным», хотя все остальные шептали «аварийный». Она схватилась за руль, перекинула ногу через раму... и тут воздух вокруг неё чуть дрогнул, будто кто-то провёл невидимой рукой по поверхности мира.

Яна замерла.

Это было знакомое чувство — как будто внутри щёлкает тумблер: «Магия, ты мне сейчас нужна». Она не училась этому специально, не читала учебников. Просто иногда, в самые отчаянные моменты, её тело само знало, что делать.

— Ладно, — прошептала она, глядя на велосипед, будто он мог ей ответить. — Просто доедь. Пожалуйста. Не падай. Не ломайся. И не заставляй меня бежать.

И велосипед... послушался.

Не то чтобы он вдруг стал новым или блестящим. Нет. Но когда Яна нажала на педали, цепь не заскрежетала, колесо не зашаталось, а руль не попытался вырваться из рук. Вместо

этого велосипед будто сам нашёл ритм, и Яна поехала по улице, мимо знакомых домов, мимо ларька с мороженым, мимо старушки, которая всегда смотрела на неё с подозрением (и, возможно, была ведьмой, но Яна не спрашивала).

Ветер трепал её тёмные волосы, зелёные глаза шурились от солнца, а в груди росло странное чувство — не просто паника от опоздания, а предвкушение. Как будто сегодня действительно что-то должно было случиться.

Академия ведьм ждала.

Яна влетела в калитку, чуть не сорвав её с петель, и только тут вспомнила про велосипед.

— Ну ничего, — выдохнула она, хватая замок и цепляя его за ржавую перекладину у забора. — Ты тут постой, не разваливайся без меня.

Она бросила на него короткий виноватый взгляд — будто он мог обидеться — и снова рванула вперёд, к главному корпусу.

Со стороны ограды академия и правда выглядела как самое обычное здание: красный кирпич, ровные ряды окон, будто это какая-нибудь старая школа из соседнего района. Ничего волшебного, ничего особенного. Но стоило переступить порог ограды — и мир будто щёлкал переключателем.

Теперь перед Яной тянулись вверх несколько высоких башен, оплетённых плющом так густо, что местами зелёная стена казалась живой. Лианы будто шевелились на ветру, цепляясь за камень и пряча в себе крошечные светящиеся бутоны — то ли цветы, то ли крошечные фонарики. Между башнями раскинулись зелёные насаждения причудливых форм: кусты, подстриженные в виде волн, спиралей и даже силуэтов птиц, застывших в полёте. Воздух пах свежестью, мятой и чем-то сладковатым — будто кто-то только что испёк пирог с травами.

Яна замерла, запрокинув голову. Сердце, которое до этого колотилось где-то в горле от спешки, вдруг сделало странный, медленный удар — и на секунду всё вокруг стало таким красивым, что хотелось просто стоять и смотреть. Рассеянность, которая вечно подводила её в обычных делах, сейчас сыграла на руку: она вдруг заметила то, что другие, наверное, пропускали. Как свет ложится на кирпичи, как тени от плюща рисуют узоры на стенах, как в одном из окон мелькнуло что-то похожее на сову — или на тень совы.

Но любоваться долго не вышло.

— Эй, смотри, куда прёшь! — раздался резкий голос прямо перед ней.

Яна не успела даже сообразить, что происходит, как врезалась в кого-то твёрдого, тёплого и очень недовольного. От удара она попятилась, споткнулась о собственный рюкзак и чудом удержалась на ногах.

Перед ней стояли три девушки в форме академии: бордовые платья с золотой вышивкой, юбки чуть выше колена, белые гольфы и тёмная обувь. Форма выглядела строго, но не скучно — золото добавляло ей лёгкого шика, будто даже повседневная одежда здесь должна была напоминать: ты в месте, где магия — это профессия.

Блондинка Катя потёрла плечо и скривилась, будто врезаться в неё было личным оскорблением:

— Серьёзно? Ты вообще куда смотрела? Тут не трасса для гонок.

Русая Вера закатила глаза, но в её взгляде читалось скорее раздражение от всей ситуации, чем от самой Яны:

— Катя, ну хватит. Она же новенькая. Видно же, что растерялась.

А рыжая Жанна — та самая, что крикнула первой, — сделала шаг вперёд, скрестив руки на груди. В её позе было столько уверенности, что казалось, она не просто старшекурсница, а сама академия решила говорить её голосом.

— Новенькая, значит, — протянула Жанна, оглядывая Яну сверху вниз с таким видом, будто пыталась найти хоть одну причину не считать её достойной здесь находиться. — И сразу

с размаху. У нас тут не спортзал, чтобы в людей врезаться. Ты вообще знаешь, куда бежишь? Или просто бежишь, потому что нравится?

Яна сглотнула, пытаясь собрать мысли в кучу. В голове всё ещё звенела красота башен, а теперь к ней добавился этот колючий взгляд и насмешливые нотки в голосе Жанны. Но где-то внутри, под слоем растерянности, шевельнулось знакомое упрямство — то самое, что не давало ей сдаваться, когда учителя говорили «у тебя не выйдет», а родители вздыхали: «Яна, ну сколько можно витать в облаках».

Она расправила плечи и посмотрела прямо на Жанну — не с вызовом, а с той спокойной твёрдостью, которая появляется, когда понимаешь: да, ты ошиблась, но это не делает тебя хуже.

— Знаю, — спокойно сказала Яна, чуть наклонив голову. — На экзамен, в главный корпус. И да, я спешила. Но если ты так любишь порядок, могла бы и отойти в сторону, а не стоять посреди дороги, будто памятник себе ставишь.

Катя ахнула, будто услышала что-то немыслимое, и тут же прикрыла рот ладонью, чтобы не рассмеяться. Вера едва заметно дёрнула уголок губ, но тут же сделала вид, что просто почесала щёку.

Жанна на секунду потеряла свой безупречный вид — её брови взлетели вверх, а в глазах мелькнуло что-то вроде уважения пополам с раздражением.

— Ого, — медленно произнесла она, чуть наклоняя голову. — А у новенькой есть зубки.

— Не зубки, — спокойно ответила Яна, поправляя лямки рюкзака. — Просто я не люблю, когда со мной разговаривают так, будто меня тут быть не должно. Я пришла сдавать экзамен. И я его сдам.

Наступила короткая пауза. Даже воздух, казалось, замер между ними, прислушиваясь.

Потом Жанна вдруг усмехнулась — не зло, а скорее оценивающе.

— Ладно, — сказала она, опуская руки и чуть отступая в сторону. — Пусть будет так. Ты на экзамен, мы по своим делам. Только... — она сделала паузу, будто сама не хотела признавать, что собирается дать совет, — постарайся больше никого не сбивать. Тут и без этого нервов хватает.

Вера мягко кивнула, словно подтверждая: «она права, но без злобы».

Катя, не выдержав, всё-таки хихикнула:

— Да уж. Если ты такходишь в двери, представляю, что будет на полосе препятствий.

Яна на секунду задержала дыхание, а потом тоже улыбнулась — лёгкой, чуть кривой улыбкой, в которой было и облегчение, и крошечная гордость за себя.

— На полосе я буду смотреть под ноги, обещаю, — сказала она. — Но если вдруг понадобится кто-то, кто умеет влетать в проблемы с двух ног — я тут.

Жанна фыркнула, но в этом звуке уже не было прежней колючести.

— Надеюсь, не понадобится, — буркнула она, но уголки её губ дрогнули. — Ладно, идём. А то опоздаем, и куратор опять будет читать лекцию про дисциплину.

И они пошли дальше, оставив Яну стоять посреди двора, где воздух всё ещё пах травами, а башни тянулись вверх, будто шептали: «Ну, вот и первое испытание пройдено. Дальше будет интереснее».

Яна глубоко вдохнула, стряхнула с себя остатки растерянности и пошла к арке. Теперь уже не бегом, а шагом — так, чтобы видеть всё вокруг и не врезаться ни в кого. Но в груди тихо, радостно трепетало: она не прогнулась. Она ответила. И, кажется, даже заслужила что-то вроде уважения.

Яна шагнула под свод арки — и мир вокруг тут же перестроился.

Только что перед ней был просторный двор с узорчатой брусчаткой и лестницей к главному корпусу, а теперь со всех сторон высились глухие стены из тёмносерого камня, покрытые тонкими светящимися прожилками — будто по ним бежали крошечные молнии. И эти стены... двигались. Не рывками, а плавно, как тяжёлые шторы, которые кто-то неспешно сдви-

гает. С каждым шагом проходы меняли очертания, новые коридоры вырастали там, где только что была тупиковая ниша, а знакомые повороты бесследно исчезали.

Яна замерла, пытаясь унять дрожь в пальцах. Вернуться назад? Она резко обернулась, и сердце ухнуло куда-то вниз: арки, через которую она только что прошла, больше не было. На её месте тянулся длинный, пустой коридор, уходящий в полумрак.

— Ну отлично, — прошептала Яна, прижимая рюкзак к себе, будто он мог её защитить. — Просто чудесно.

В голове замесились мысли, сталкиваясь друг с другом: «Это часть экзамена? Или я сама всё испортила? Может, просто стою и моргаю, а когда открою глаза — всё будет как раньше?» Но стены продолжали тихо перестраиваться, и от этого становилось только страшнее.

И тут память, обычно такая рассеянная, вдруг вытащила из закровов ровно то, что нужно. Лето на даче у бабушки, пахнувшая смолой щепка, отец, который смеётся и чертит на земле схему: «Смотри, Янка, если лабиринт обычный, можно держаться одной стороны — левой или правой. Так точно выйдешь».

— Только вот какой? — пробормотала Яна, кусая губу. — Левой... или правой?

Она стояла, лихорадочно пытаясь вспомнить, но в голове крутились только обрывки: «всегда левой», «нет, лучше правой», «главное — не паниковать». Сомнение сковывало, как ледяная вода.

Тогда она вспомнила ещё кое-что — алгоритм ЛюкаТремо, о котором читала в старой книжке про лабиринты. Суть была простой: оставлять метки на поворотах, куда уже ходила, и каждый раз выбирать те проходы, где меток нет. Лабиринт менялся, но не полностью: стены сдвигались, а вот мелкие детали — царапины, сколы, выступы — оставались на месте. Значит, и её метки должны были держаться.

Не раздумывая больше, Яна достала из кармана маленький мелок — он там оказался почти случайно, она прихватила его утром, чтобы подписать коробку с обедом, а потом забыла выложить. Дрожащими пальцами она черкнула на ближайшем выступе неровную линию, потом ещё одну на углу, где коридор разветвлялся.

— Ладно, — выдохнула она, будто убеждая не лабиринт, а себя. — Поехали. Туда, где меток нет.

Она шла, оставляя за собой цепочку коротких штрихов, иногда останавливаясь, чтобы прислушаться к тихому шороху сдвигающихся стен, и снова шагала вперёд. Каждый раз, когда путь преграждал новый тупик, она возвращалась по своим меткам, искала следующий свободный проход и двигалась дальше.

Постепенно паника начала отступать, уступая место странному, почти азартному чувству: она справлялась. Лабиринт пытался её запутать, но она не сдавалась.

Уже ближе к выходу — если это вообще был выход, а не очередная ловушка, — Яна замерла. В узком проходе, где стены почти смыкались над головой, сидел полосатый кот. Он выглядел так, будто ему здесь самое место: шерсть переливалась серыми и рыжими полосами, усы подрагивали, а на морде застыла широкая, почти человеческая улыбка.

Кот наклонил голову, посмотрел на Яну одним янтарным глазом, будто оценивал, достойна ли она пройти дальше, и тихо муркнул — так, словно знал все её секреты и находил их ужасно забавными.

Яна уставилась на него, забыв даже дышать.

— Ты... настоящий? — спросила она шёпотом.

Кот не ответил. Вместо этого он лениво махнул хвостом, развернулся и неторопливо пошёл вперёд — туда, где между стенами мелькнул кусочек светлого неба.

Яна глубоко вдохнула, сжала мелок в кулаке и шагнула следом.

Вот и конец абзаца. Получилось и напряжённо, и с тем самым лёгким юмором: Яна не просто паникует — она вспоминает детство, пытается применить теорию, а в финале встречает кота, который будто знает больше, чем говорит.

Что делаем дальше? Кот приведёт её к выходу — и там уже ждёт экзаменационная комиссия, которая наблюдала за всем испытанием? Или выход окажется не совсем тем, чего она ожидала: вместо зала — крошечный дворик, где все абитуриентки сидят и обсуждают, кто сколько раз заблудился? Или кот вдруг заговорит — и скажет что-то вроде: «Ты молодец, но это был только первый уровень»?

Яна шла за полосатым котом, почти не дыша, будто боялась спугнуть эту странную, но такую нужную удачу. Он ступал так уверенно, будто сам был частью лабиринта — и знал все его секреты. Каждый раз, когда стены начинали сдвигаться, кот чуть поворачивал голову, словно прислушивался к самому воздуху, и уверенно сворачивал туда, где проход ещё не успел закрыться.

И вот наконец впереди мелькнуло светлое пятно — не просто просвет, а настоящий выход: арка, обрамлённая резными каменными листьями, за которой виднелось небо, яркое и чистое, как после грозы. Яна едва не всхлипнула от облегчения.

Она шагнула наружу, глубоко втянула воздух — и только тут вспомнила про кота. Обернулась, улыбаясь уже не от страха, а от радости:

— Эх, — выдохнула она, оглядываясь по сторонам, будто надеялась найти хоть кусочек печенья в кармане. — Жаль, мне нечем тебя угостить за моё спасение.

Кот сидел, чуть наклонив голову, и улыбался своей невозможной, широкой кошачьей улыбкой.

— Как-нибудь сочтёмся, — промурлыкал он вдруг человеческим голосом, спокойно и будто даже немного лениво.

Яна замерла. Моргнула. Потом ещё раз.

— Тут ещё и коты говорящие... или я совсем кукухой поехала? — пробормотала она, сама себе не веря.

— Никуда ты не поехала, — снова замурлыкал кот, чуть растягивая каждое слово, будто смаковал их, как сливки. — Коты действительно говорят. Было бы с кем.

Он неторопливо принялся вылизывать свои лапы, будто ничего необычного и не происходило.

— А как тебя звать-то, спаситель? — тихо спросила Яна, всё ещё не решаясь поверить, что это не сон.

Кот на секунду отвлёкся от своего важного занятия, приподнялся и гордо запрокинул голову.

— Меня не зовут, — произнёс он с достоинством. — Обычно я сам прихожу. А величают меня Мурлыкой.

Яна хотела ещё что-то спросить — может, про лабиринт, про академию, про то, почему именно ей достался такой проводник, — но Мурлыка только махнул хвостом:

— Вот только не говори, что сейчас ты начнёшь исчезать, и от тебя останется только улыбка.

— Нет, что ты, — хмыкнул Мурлыка. — Исчезать — это прерогатива моего двоюродного дяди. А тебе, Яна, уже давно пора на экзамен, а не с котами болтать. Проснись! — резко, почти командным тоном произнёс он.

И Яна... вскочила.

Резко, так, что голова чуть закружилась. Она озиралась по сторонам, пытаясь понять, где она. Перед глазами мелькали знакомые вещи: её стол, стопка тетрадей, постер с созвездиями, старый плед, сползший на пол. Даже старые кроссовки, которые она вечно забывала убрать под шкаф, стояли на своём месте — чуть криво, но родные и привычные.

Это была её комната. Её вещи. Её жизнь.

А потом будильник зазвенел снова — тот самый, что уже выводил её из себя сегодня, громкий, настойчивый, совершенно не волшебный.

Яна уставилась на него, тяжело дыша, будто только что действительно пробежала через лабиринт. Рука сама потянулась и шлёпнула по кнопке, обрывая этот противный звон.

Тишина накрыла комнату, густая и немного нереальная. Яна медленно опустила руку, посмотрела на свои пальцы — на них всё ещё будто чувствовались крошки мела. Или ей только казалось.

— Сон, — прошептала она, проводя ладонью по лицу. — Просто сон.

Но где-то в груди всё ещё трепетало то самое чувство — будто что-то важное только что случилось. И будто кто-то невидимый тихо усмехнулся где-то совсем рядом: «Как-нибудь сочтёмся».

Яна собиралась чуть спокойнее — будильник сработал вовремя, и даже утро будто решило не устраивать ей марафон. Одежда легла на место без суеты, бутерброд, заботливо оставленный мамой, отправился в рюкзак. Всё шло ровно, привычно... и всё же где-то на краю сознания тихо звенела фраза Мурлыки: «Как-нибудь сочтёмся».

Яна замерла у холодильника, взгляд сам собой упал на батон колбасы на нижней полке. Не раздумывая, она отрезала несколько толстых кружочков, бережно завернула их в пергаментную бумагу и убрала в рюкзак. Потом слегка похлопала по нему рукой — в том самом месте, где теперь лежало угощение.

И дальше всё пошло... как в дежавю. Каждый шаг, каждое движение будто повторяло тот самый сон: дверь, лестница, улица, знакомый поворот, забор, велосипед. Даже старушка у ларька посмотрела на Яну с тем же подозрительным прищуром, будто знала что-то, чего не знала сама Яна.

Мозг лихорадочно щёлкал шестерёнками: совпадение или нет? Может, она просто запомнила дорогу так чётко, что теперь повторяет её машинально? Или мир действительно подкидывал ей одни и те же сцены, проверяя, заметит ли она разницу?

У академии Яна снова замерла, залюбовавшись башнями, плющом и причудливо подстриженными кустами. Красота снова сбила её с ритма — и в следующую секунду она опять врезалась в ту самую троицу у входа.

Девушки снова её встретили, снова чуть нахмурились, снова кивнули в сторону арки: мол, туда тебе надо, новенькая. И Яна пошла. Но на этот раз прямо перед аркой, преграждая путь, лениво развалился полосатый кот.

Он приподнял голову, лениво махнул хвостом, будто проверял: «Ну, что будешь делать?» Яна хотела было просто перешагнуть, но кот вдруг сел, выпрямился и посмотрел на неё так, что шаг застрял где-то в воздухе. Она отступила на шаг назад, чувствуя, как внутри всё замирает в странном, тёплом узнавании.

Позади неё три пары глаз наблюдали за этой сценой. — Я же говорила, — прошептала одна из девушек чуть слышно, — она не простая студентка. Вторая метнула на неё такой взгляд, что та тут же стушевалась и замолчала. — Ну что же ты встала, — причитала третья, чуть нервно скреживая пальцы, будто этим можно было подстегнуть удачу, — давай, заходи!

Они смотрели пристально, напряжённо, будто от того, сделает ли Яна этот шаг, зависело что-то важное. Но они не видели кота. Вообще не замечали его, будто он был частью академии — такой же привычной, как плющ на стенах или узор на брусчатке.

Яна присела на корточки рядом с Мурлыкой, достала из рюкзака свёрток, развернула пергамент и положила кусочки колбасы прямо перед ним. — Вот, — тихо сказала она, будто оправдываясь перед кем-то невидимым, — я же обещала.

— Молодец, не забыла, в этот раз, — промурлыкал кот, склоняясь к угощению и довольно принюхиваясь.

Яна потянулась, чтобы погладить его, и он, не отрываясь от трапезы, подставил мордочку. Она почесала его за ушком — кот заурчал, ровно и мощно, как хорошо смазанный мотор, и на секунду весь мир будто стал чуть добрее.

— Передавай привет дяде! — вдруг крикнула Яна, уже разворачиваясь и шагая прочь от арки, в сторону, куда раньше и не думала идти.

Мурлыка только махнул хвостом, не отвлекаясь от колбасы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.